

УДК 930(075.8)

**ПРОБЛЕМА «ХОРОШЕГО УЧЕБНИКА
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ»: ОПЫТ И НАСЛЕДИЕ
Т.Н. ГРАНОВСКОГО**

Г.П. Мягков, Н.Г. Федорова

Аннотация

На основе комплексного рассмотрения историко-педагогического наследия Т.Н. Грановского показано, что ученым фактически была выработана система взглядов на проблему создания учебника всеобщей истории. Важнейшими качествами «хорошего учебного руководства по истории», по мнению Грановского, являются идейная направленность и концептуальность изложения, соответствие содержания новейшим достижениям в области исторических наук, строгая выверенность материала, точность, достоверность приводимых исторических фактов и вместе с тем информационная насыщенность, полнота изложения событий.

Проблема создания школьного учебника по истории традиционно является одной из самых дискуссионных историко-педагогических проблем. Каким требованиям школьный учебник истории должен отвечать, какими свойствами и качествами обладать – вот те вопросы, которые начали обсуждаться в российском обществе с первой трети XIX века, с момента появления первых непереводных учебников по всеобщей истории отечественных авторов¹, и вот уже более полутора столетий волнуют учителей и просто образованную публику. Парадоксально, но факт: в используемом понятийном аппарате до сих пор не «отстоялась» ключевая категория для обозначения предмета этих дискуссий: хороший учебник, идеальный, совершенный, лучший. Все эти термины обозначают, в сущности, такое учебное руководство, которое бы отвечало требованиям общества (педагогической общественности, интересам родителей и желаниям учащихся) и политической элиты. Понятно, что у каждой группы свои представления о том, *каким должен быть учебник по истории* и возможно ли в принципе его создание в каждый конкретный период столь кратковременной в своей изменчивости реальности. Важно, что именно в этом контексте школьный учебник истории выступает как своеобразное *коммуникативное средство*, вокруг которого и о котором разворачиваются живейшие дискуссии, происхо-

---

¹ См.: *Зябловский Е.Ф.* Курс всеобщей истории, читанный на публичных лекциях, учрежденных при Санкт-Петербургском педагогическом институте для чиновников обязанных гражданской службой. Ч. 2. – СПб., 1811; *Кайданов И.К.* 1) Руководство к познанию всеобщей политической истории, сочиненное профессором императорского Царскосельского лицея Иваном Кайдановым: в 3 ч. – СПб., 1823; 2) Учебная книга по всеобщей истории. – СПб., 1842; *Смарагдов С.* 1) Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений. – СПб., 1841; 2) Краткое начертание всеобщей истории. – СПб., 1845.

дит обмен мнениями, образуются авторские коллективы, вырабатываются или конкретизируются индивидуальные взгляды, формируются общие категории и принципы оценки учебной литературы.

В первой половине XIX века проблема выбора учебника для преподавания истории в школе не обозначалась официально. Правильными, единственно необходимыми являлись «охранительные» по своей сути учебники. Учителя обязаны были пользоваться только рекомендованными учебниками. Именно последним отводилась роль формировать у учащихся чувства преданности монархическому строю, воспитания религиозности и христианской нравственности. Предметом истории считались «деяния и судьбы людей», а все события объяснялись психологией выдающихся личностей – государей, полководцев. История в целом и школьные учебники в частности должны были быть ориентированы на развитие памяти, на запоминание имен и событий. Именно такие учебники, всецело отвечающие политическим интересам правящей элиты, и признавались нужными.

В середине 40-х годов XIX в. в «Журнале Министерства народного просвещения» появляются первые критические заметки и рецензии на рекомендованные Министерством к преподаванию учебники¹. Хотя побуждением к этому выступало «давно ощущаемая у нас потребность в *хорошем* руководстве к изучению всеобщей истории, написанной в русском духе и с русской точки зрения»², главной причиной активности Министерства было усиление антиреволюционных настроений российской элиты, связанное с революциями 1848 г. в европейских странах. Именно так понимали ситуацию современники: М.М. Стасюлевич предлагал читателям «принять в соображение» произошедший после 1848 года «переворот... в наших педагогических идеях», побудивший Министерство требовать составления «нового исторического учебника». Но, пояснял историк, в министерском задании «дело шло опять не о хорошем учебнике, а о таком, в котором не было бы и тени влияния классического духа»³.

«Начертать» программу исторического курса, на основании которой следовало потом составить и «новое руководство» по всеобщей истории, было поручено Министерством профессору всеобщей истории Московского университета Т.Н. Грановскому... Да, тому ученому, от которого несколькими годами ранее сам попечитель Московского учебного округа С.Г. Строганов требовал читать лекции в «православном» духе, который в связи с делом о петрашевцах оказался под секретным наблюдением у полиции, который сам, оценивая ситуацию в стране в 1850 г., писал: «Положение наше становится нестерпимым день от дня. Всякое движение на западе отзывается у нас стеснительной мерой. Обо мне в течение трех месяцев два раза собирали справки...».

¹ См.: [А.И.] Руководство к всеобщей истории Фр. Лоренца. Три части. – СПб., 1843–1845 // Журн. Министерства народного просвещения. – 1846. – Ч. 52. Отд. 4. Новые книги, изданные в России. – С. 129–141; [Л.Б.] Атлас и таблицы для обозрения истории всех Европейских земель и государств от первого их народонаселения до новейших времен / Сост. Х. Крузе; пер. с нем. В. Модестова // ЖМНП. – 1845. – Ч. 47. Отд. 4. – С. 270–274. П.Б. – псевдоним П.С. Билярского.

² Цит. по: [Б.а.] Записка и программа учебника всеобщей истории Т.Н. Грановского // *Грановский Т.Н.* Соч.: в 2 ч. Ч. 2. – М., 1892. – С. 435. Автором предисловия к названному произведению Т.Н. Грановского является М.М. Стасюлевич; ему же принадлежит курсив.

³ Там же. – С. 436.

Как же вышел из этой сложной ситуации Т.Н. Грановский? Приступая к поиску ответа, следует учитывать, что общественно-политические взгляды ученого изучены достаточно полно и подробно. И это закономерно. Талантливый лектор и популяризатор, он уже при жизни был более известен своими курсами лекций, научными трудами¹. В конкретных исследованиях показана научная значимость идей Т.Н. Грановского – профессионального историка. В области же изучения его педагогических взглядов обнаруживаются значительные лакуны. Речь идет прежде всего об отношении Т.Н. Грановского к проблемам среднего образования, в частности – гимназического изучения всеобщей истории. Пути заполнения этих лакун как раз и лежат через изучение того, как выполнял профессор истории поручение Министерства народного просвещения.

Действительно, в 1850 году Т.Н. Грановский «начертал» «Записку к Программе Учебника Всеобщей Истории»² и «Программу Всеобщей Истории»³ и приступил к составлению школьного учебника по этому предмету⁴. В историографии утвердилось мнение, до сих пор не оспоренное, что «Записка...» и «Программа...», а также отдельные черновые главы учебника, написанные ученым в конце жизни, – не что иное, как «насилие Грановского над самим собой» в условиях «глубокой душевной тоски и терзаний» «мрачного семилетия»⁵, «кривление душой», «вынужденные поклоны властям»⁶.

Камнем преткновения и отправной точкой критики стали отдельные фразы из «Записки к программе учебника всеобщей истории»⁷, а также то, что составитель русского учебника, по мнению Т.Н. Грановского, должен был определить «по достоинству святость монархической идеи» и показать «ее благотворное осуществление на родной почве»⁸. В этих словах А.А. Левандовский усматривает «хитрую дипломатию» Грановского, его «унизительные уловки»⁹, имеющие – в перспективе – высокую и благородную цель: «...дать отпор “иезуитским ухищрениям” охранителей», «использовать любую возможность для того, чтобы хоть как-то противостоять реакции»¹⁰, – стремление, которое не может не восхищать. Исследователем проводилась мысль, что Т.Н. Грановский в конце жизни – все тот же борец за свободу и просвещение, уставший, но по-прежнему верный своим идеалам. А его монархические высказывания – уловка, при-

¹ См.: Тимофей Николаевич Грановский: Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты / Под ред. Л.П. Репиной. – М., 2006.

² См.: Грановский Т.Н. Записка к Программе Учебника Всеобщей Истории // Грановский Т.Н. Соч.: в 2 ч. Ч. 2. – М., 1892. – С. 437-440 (далее – по этому изданию). Впервые напечатана: Вестник Европы. – 1866. – Т. III, Сентябрь.

³ Грановский Т.Н. Программа Всеобщей истории // Там же. – С. 440–451.

⁴ По воспоминаниям А.В. Станкевича, Грановский проводил за работой над учебником несколько часов ежедневно, желая изложить факты ясно, но сжато (см.: Станкевич А.В. Воспоминания о Грановском // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. – 2001. – № 2. – С. 92). «Введение» к нему опубликовано: Грановский Т.Н. Соч.: в 2-х ч. Ч. 2. – М., 1892. – С. 452–464.

⁵ Косминский Е.А. Жизнь и деятельность И.Н. Грановского // Вестн. Моск. ун-та. Вып. 2. – 1956. – № 4. – С. 26, 21.

⁶ Левандовский А.А. Время Грановского: У истоков формирования русской интеллигенции. – М., 1990. – С. 267.

⁷ Критики особенно обращали внимание на следующий тезис Т.Н. Грановского: «Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории; оно есть корень, из которого выросла наша государственная жизнь, наше политическое значение в Европе. Это начало должно быть достойным образом раскрыто и объяснено в наших ученых заведениях» (Грановский Т.Н. Записка... – С. 439).

⁸ Грановский Т.Н. Записка к программе... С. 440.

⁹ Левандовский А.А. Указ. соч. – С. 270.

¹⁰ Там же. – С. 267, 270.

крытие, фальшь, маленькая уступка правительству, чтобы иметь возможность использовать арену школьного учебника для великих общественных целей.

На наш взгляд, привлекаемые цитаты из статьи Грановского несут иную смысловую нагрузку. Вырванные из контекста, они меняют значение. Полагаем, что это не столько и не просто реверанс в сторону властей предрежащих¹. В случае со школьным учебником исследователь имеет дело с четкой системой историко-педагогических взглядов Т.Н. Грановского, по сути оказывающихся не столь монархическими, какими они представляются изначально. Продуманные формулировки позволили историку корректно выразить собственные идеи, не забыв о государственно-монархическом интересе.

Т.Н. Грановский стремится донести до читателя, до заказчика «Записки...» – Министерства народного просвещения – мысль о том, что историю нужно преподавать *научно*: в основание преподавания должно быть положено «честное и верное изложение науки»², поскольку «...умышленная утайка или обман, внесенный в учебную книгу, не могут не открыться любознательному и опытному ученику»³. В свете этого методологического положения «махровый монархизм», прокламируемый в учебниках, представлял именно опасность, поскольку покоился только на восхвалении и исключал любые «немонархические проявления истории». Признаем, что Грановский согласился с тем, что «монархическое начало лежит в основании всех явлений русской истории», как обусловленное географически, как закономерное для Российской империи⁴. И это, по сути, не противоречило либеральным взглядам ученого, тем более не искажало их.

Здесь и далее необходимо иметь в виду, что годы написания материалов к учебнику всеобщей истории (1850–1855), – это период, когда научно-исторические взгляды Т.Н. Грановского весьма ощутимо изменялись: ученый «начал корректировать в позитивистском духе свои лекции...»⁵, преодолел крайность «гегелианской школы». Обращение к естественно-научной аргументации, внимание к роли «природных факторов» призвано доказать закономерность установления и укоренения монархической формы правления в России; именно в ней и заключается индивидуальность политического устройств страны, которая, в свою очередь, имеет неповторимые особенности⁶. Выявленный подход полностью со-

¹ Такой акцент, например, сделан в завершающем известную актовую речь «О современном значении и состоянии всеобщей истории» (12 января 1852 г.) тезисе: «...Русский профессор Истории не может не помянуть с благоговейной признательностью о царственном участии в судьбах его науки, столь величаво выраженном в милостях, оказанных творцу “Истории Государства Российского” и в дарованных русскому народу памятниках его прошедшей жизни» (Тимофей Николаевич Грановский: Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты. – С. 161).

² Грановский Т.Н. Записка к программе... С. 439.

³ Там же. – С. 438.

⁴ Как и закономерна, кстати, для Т.Н. Грановского убежденность в западных, т. е. норманских, истоках происхождения русского государства, о чем говорят пункты его программы по всеобщей истории: «...Норманны во Франции. Покорение ими Англии. Норманны в южной Италии. Начало русского государства...» (Грановский Т.Н. Программа всеобщей истории // Грановский Т.Н. Соч.: в 2 ч. Ч. 2. – М., 1892. – С. 445–446).

⁵ Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. – М., 2004. – С. 193.

⁶ «Дело науки и преподавания показать, что русское самодержавие много отличается от тех форм, в которые монархическая идея облекалась в других странах... Даже в христианских государствах новой Европы форма эта не всегда сохранялась в должной чистоте... тот высокий характер беспристрастия и бескорыстия, который по мирному происхождению своему и ходу нашей истории сохранило русское самодержавие» (Грановский Т.Н. Записка... С. 439). Эта цитата, вероятно, имеет знаковый характер. Именно она демонстрирует, как виртуозно удалось Грановскому воплотить историческую истину (абсолютная монархия в Российской империи, единодержавная и всеохватная власть, не видоизменявшаяся с течением времени, не эволюционировавшая в сторо-

ответствовал политическим воззрениям ученого: «...по своей натуре он был далек от навязанной ему роли борца-революционера... Он не любил крайностей... он ближе к левому либерализму, чем к революционному демократизму. Его политическим идеалом была конституционная монархия, он неодобрительно относился к революциям прошлого, хотя и признавал иногда их неизбежность»¹.

Т.Н. Грановский доказывал, что «хороший школьный учебник истории» в первую очередь и прежде всего должен быть научным. Составить такой учебник он, видимо, и задумывал. *Научность* как качество учебного пособия, по мнению Грановского, означает изложение *истинных* знаний в соответствии с современным состоянием и достижениями исторической науки. В этом принципиальное отличие авторского понимания термина от более поздних его трактовок. Для середины XIX века такие представления были закономерны. Не случайно – и это общепризнанно – всеобщая история как наука в лице Грановского обрела первого своего представителя в России. Категория «научное как профессиональное» (и обязательно как индивидуально-авторское) применительно к учебным пособиям сформируется позднее, в частности в историко-педагогических работах В.И. Герье, и окончательно утвердится через мощный прорыв – серьезные исследования отечественных ученых последней четверти XIX – начала XX вв. П.Г. Виноградова, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, Р.Ю. Виппера, представлявших известную «русскую историческую школу», – в так называемых «профессорских» учебниках по всеобщей истории.

Итак, по представлениям Т.Н. Грановского, научность изложения – руководящий принцип создания хорошего учебника всеобщей истории. Попытаемся конкретизировать его содержание и выяснить, с помощью каких методических средств и приемов, содержательных возможностей текста учебного пособия считал возможным достичь искомого Т.Н. Грановский. Поиск ответов на эти вопросы связан с обращением к малоизученной грани личности и творчества Т.Н. Грановского, к его методическим публикациям и историко-педагогическим взглядам.

Кроме записки, программы и нескольких глав учебника, Т.Н. Грановским написаны также две рецензии: на «Руководство к познанию средней истории» С. Смарагдова² и на книгу Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории»³ (публикуется в 1845–1851 гг.). Во всех этих материалах четко прослеживаются взгляды Т.Н. Грановского на проблему составления «хорошего школьного учебника по всеобщей истории». Если характеристика одного и того же пособия Т.Н. Грановским могла со временем измениться⁴, то основные критерии оценки

ну конституциональности, а именно сохранившая неизменные черты полной монархии) в весьма политкорректной форме, сместив нарративные акценты и сделал легкий реверанс в сторону правителя.

¹ Гутнова Е.В. Тимофей Николаевич Грановский // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Т. 2. Всеобщая история. – М.; Иерусалим, 2000. – С. 109.

² Впервые напечатана в «Москвитянине» в 1841 г. (ч. 6), в отделе критики.

³ См.: Лоренц Ф. Руководство к всеобщей истории. – Ч. 1. – СПб., 1845; Ч. 2. – Отд. 1. – СПб., 1847; Ч. 2. – Отд. 2. – СПб., 1851; Ч. 3. – Отд. 1–2. – СПб., 1847. В 1831 г. Ф. Лоренц (1803–1861) был приглашен профессором истории в Главный Педагогический Институт Санкт-Петербурга, где преподавал до 1840 г. и составил руководство по всеобщей истории.

⁴ Например, в своей рецензии 1841 г. Грановский оценивает «Историю» С. Смарагдова «...гораздо выше всего, что у нас сделано в этом роде, и даже несравненно лучше изданной им в прошлом году Древней истории» (Грановский Т.Н. Руководство к познанию средней истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. СПб., 1841 г. // Грановский Т.Н. Соч.: в 2 ч. Ч. 2. – М., 1892. – С. 303). В университетском же курсе лекций 1848/49 г. по средней истории (запись В. Собчакова), характеризуя литературу по предмету,

русского школьного учебника по всеобщей истории и показатели высокого качества его составления (так называемой «хорошести») сформировались уже к 1841 году и лишь несколько дополнялись и уточнялись в последующие годы.

Отмечая «недостаток хорошего учебного руководства к изучению всеобщей истории»¹, Т.Н. Грановский призывал тем не менее с пониманием относиться к появлению каждой новой, пусть и далеко не совершенной, учебной книги, так как сама наука еще достаточно слабо развита: «При настоящем состоянии русской ученой литературы, в особенности по предмету всеобщей истории, критика не имеет права произносить строгих приговоров»². Вообще Грановский весьма спокойно, как представляется, относился к компилятивному характеру существующих школьных учебников. Например, он так писал о «Руководстве» Смарагдова: «Автор положил в основу своего труда известное сочинение немецкого историка Лео. <...> Г. Смарагдов очень удачно сократил и слил эти две книги в одно целое»³. Компилятивность была следствием состояния исторической и особенно историко-педагогической наук. Т.Н. Грановский считает, что в основу оценок учебника всеобщей истории нужно брать «...не чистое отношение книги к науке, а условное отношение к потребностям читающей, или, лучше сказать, учащейся публики»⁴. Эта мысль повторяется и в «Записке к программе учебника всеобщей истории» 1850 г. Отечественный учебник, по мнению Грановского, должен удовлетворить «учебным и гражданским потребностям русского юношества»⁵. Констатируя, что «весьма немногие сочинения имеют у нас значение самостоятельных явлений, большая часть суть только учебные пособия»⁶, Т.Н. Грановский не только отстаивает право школьного учебника на научность, но и доказывает, что высшее мастерство составителя хорошего пособия заключается в том, чтобы сделать книгу последним словом науки по изложению и группировке исторических фактов, а также объяснению их смысла и значения. Это удалось, например, Ф. Лоренцу: «Сочинение г. Лоренца, не отличаясь новостью взглядов или самобытностью частных исследований, следовательно, не подвигая науки вперед, представляет отлично, хорошо составленный итог современных в сфере исторических наук приобретений»⁷. Именно поэтому Т.Н. Грановский считает, что «Руководство» Лоренца «...принадлежит к числу самых замечательных и полезных явлений нашей ученой и преимущественно учебной литературы. Это лучшая из написанных на русском языке книг о всеобщей истории»⁸. Однако в своих лекциях 1848/1849 г.

Т.Н. Грановский более категоричен в своих оценках: «Окончим введение наше исчислением учебников и руководств. Кроме Кайданова, о котором нечего и говорить, есть история Смарагдова – дурная переработка или переделка книги Лео. Г. Смарагдов ее испортил, потому что многого не понял; крайнее понимание Смарагдова видно уже из того, что он часто не умеет отличить источника от учебного пособия» (*Грановский Т.Н. Лекции 1848/49 г. (запись В. Собчакова). Средняя история. Лекция I // Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья / Предисл., подготовка текста и примеч. С.А. Асиновской. – М., 1961. – С. 93).*

¹ Грановский Т.Н. Записка к программе... С. 437.

² Грановский Т.Н. Руководство к познанию средней истории... – С. 302.

³ Там же. – С. 302–303.

⁴ Там же. – С. 302.

⁵ Грановский Т.Н. Записка к программе... – С. 437.

⁶ Грановский Т.Н. Руководство к познанию средней истории... – С. 302.

⁷ Грановский Т.Н. Отрывок из рецензии на книгу Ф. Лоренца «Руководство к всеобщей истории» // Лекции Т.Н. Грановского по истории средневековья. – М., 1961. – С. 208.

⁸ Там же.

историк уже более осторожен, строг и щепетилен в оценках: «Лоренцу можно сделать один важный упрек: он остался при той же точке зрения, которую руководствовались историки 20 лет назад, при всей своей видимой учености»¹.

Итак, первым важнейшим качеством хорошего учебника истории, по мнению Грановского, является соответствие содержания новейшим достижениям в области исторических наук. Автор учебника не только должен владеть в совершенстве объемом традиционных фундаментальных знаний, но и «держать руку на пульсе» развития исторической науки, быть в курсе последних исследований и происходящих изменений в изложении истории.

Показателем этого и, соответственно, вторым необходимым элементом хорошего русского учебника всеобщей истории являются для Т.Н. Грановского краткие, но емкие историографические и источниковедческие обзоры, которые должны предшествовать каждому тематическому разделу пособия или всей книге: «Исчисление литературных пособий к изучению предмета должно составлять необходимую принадлежность хорошего учебника»², «Такие литературные указатели особенно важны у нас при совершенном отсутствии специальных библиографических руководств»³. Выбор приводимой литературы и источников в учебниках по всеобщей истории должен быть также серьезно продуман с точки зрения материальной и содержательной доступности книг: «Последнее условие очень важно. К чему приводить в учебнике, назначенном для гимназий, книги, которые находятся во весьма немногих больших библиотеках и читаются только людьми, посвятившими себя исключительно частным исследованиям по своей науке? Это роскошь, вовсе не идущая к книге, имеющей практическую учебную цель»⁴. Грановский настаивает на необходимости «иметь в виду не полноту указаний, а отчетливость в выборе, сообразуясь с практической целью книги»⁵.

Т.Н. Грановский ратует также за включение в состав школьного учебника всеобщей истории сильного «отдела литературы»⁶, по сути представляющего собой краткий, но содержательно емкий и точный историографический и источниковедческий обзор по каждому разделу учебника, включающий – что особенно важно – и доступные новейшие исследования по теме. Настаивая на необходимости такого нововведения, ученый, вероятно, стремился наделить учебник истории некоторыми чертами академической лекции, имеющей в основе серьезный научный подход к изучению исторических событий.

Этой же цели – научности изложения – должна в полной мере соответствовать фактическая наполненность учебного пособия. Так, Грановский критикует Смарагдова за включение в учебник недостоверного, вымышленного материала, тех мифов и легендарных сведений, которые, по недосмотру или сознательно, «перекочевали» в учебное пособие из сочинения немецкого историка Лео. «От учебной книги можно и должно требовать точности и верности сужде-

¹ Грановский Т.Н. Лекции 1848/49 г. // Там же. – С. 93.

² Грановский Т.Н. Руководство к познанию средней истории... – С. 303.

³ Грановский Т.Н. Отрывок из рецензии на книгу Ф. Лоренца... – С. 208.

⁴ Грановский Т.Н. Руководство к познанию средней истории... – С. 303.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 304.

ний»¹, – резюмирует Т.Н. Грановский. Вместе с тем ученый подчеркивает особенность именно русского школьного учебника по всеобщей истории, которая, по его мнению, должна заключаться в большей подробности содержания: «наши руководства должны быть подробнее иностранных, не превышая их объемом, ибо в противном случае затруднится самое преподавание. Составитель русской учебной книги должен с особенною осторожностью выбирать факты и вносить в свое сочинение только то, что действительно необходимо для ясного понятия об истории человечества»².

Таким образом, третья черта хорошего учебника по истории, по Т.Н. Грановскому – это точность, достоверность приводимых исторических фактов и вместе с тем информационная насыщенность, полнота изложения событий.

Вероятно, понимая, что в объеме школьного учебника достаточно сложно подробно охарактеризовать интересные моменты, Грановский предлагал «...ввести в наши учебные заведения историческую хрестоматию, составленную из замечательных мест, переведенных из древних и средневековых писателей. Такая книга познакомит ученика с литературою предмета не по одним именам и поставит его в непосредственное отношение с первоначальным источником нашей науки»³. Любопытно, что, по мнению некоторых исследователей творчества Т.Н. Грановского, в частности В. Чешихина, написанные главы учебника Грановского обладали «хрестоматийными» чертами: «Судя по размерам написанной части книги, это вышел бы собственно не учебник, но то, что немцы называют Handbuch, большое сжатое руководство истории, которое было бы полезною вспомогательною книгой для учащихся»⁴.

Следующая важная черта учебника истории, по мнению Грановского, – это стиль изложения, который зачастую может испортить общее положительное впечатление о книге, как, например, у Лоренца: «Небрежный и неправильный язык, каким написано сочинение, не соответствует его достоинству. Желательно, чтобы автор обратил внимание на этот недостаток при следующих изданиях своей книги»⁵. И напротив, «...отчетливое расположение частей, облегчающее обзор целого, и хорошее изложение, совершенно соответствующее назначению книги», вместе с «богатым запасом фактических сведений» «Руководства» Смарагдова, много критикуемого Т.Н. Грановским, тем не менее убедили ученого в том, что это пособие «...заключает в себе главные условия, требуемые от учебника»⁶. Т.Н. Грановский обратил внимание на то, что отечественные историки должны быть одновременно и педагогами в самом широком смысле этого слова, воспитателями и просветителями общества.

¹ Грановский Т.Н. Руководство к познанию средней истории... – С. 305.

² Грановский Т.Н. Записка к программе... С. 437. Объясняя выдвинутое положение, Грановский выявляет различия, сложившиеся в развитии преподавания истории в России и за границей: «иностранные руководства к изучению Всеобщей Истории опираются на обширную историческую литературу, в которой не только наставник, но и ученик легко могут найти дополнения к намекам и указаниям, которые содержатся в учебной книге. Не имея под рукою таких богатств, мы должны требовать от русского учебника такого полного изложения фактов, которое могло бы служить достаточным запасом для всякого образованного человека» (там же).

³ Там же. – С. 437–438.

⁴ Чешихин В.Е. Гуманист сороковых годов (Т.Н. Грановский). – М., 1906. – С. 300.

⁵ Грановский Т.Н. Отрывок из рецензии на книгу Ф. Лоренца... С. 209.

⁶ Грановский Т.Н. Руководство... сочиненное С. Смарагдовым. – С. 302.

Таким образом, научный подход к изложению, включение новейших достижений исторической науки в повествовательную канву и наличие отдела литературы, который представляет собой лаконичный историографический и источниковедческий обзор, предваряющий тематические разделы учебника; фактическая верность и полнота изложения, а также доступный стиль – вот те общие качества хорошего учебника по всеобщей истории, которые Т.Н. Грановский не просто перечислил, но и обосновал их воспитательную важность теоретически и на конкретных примерах. Это одновременно и основные положения, которыми, по мнению ученого, должен руководствоваться критик при оценке школьных учебников истории.

Несмотря на то, что Т.Н. Грановский не успел создать собственный учебник всеобщей истории для средней школы и что его взгляды на проблему отечественного «хорошего учебника всеобщей истории» были рассеяны в различных его публикациях, посвященных историческому образованию в целом, и в рецензиях, можно с полным основанием утверждать, что в его наследии содержится если не развернутая концепция, то первая последовательная и стройная система историко-педагогических взглядов. Эта система охватывала самые различные стороны теории и практики создания учебной литературы по всеобщей истории нового типа, а именно: идейную направленность учебного пособия, его воспитательное значение, концептуальную основу учебника и фактическую наполненность его содержания, структуру и стиль изложения, соотношение школьного руководства с исторической наукой.

Summary

G.P. Myagkov, N.G. Fedorova. The Problem of a “Good Coursebook in General History”: Experience and Legacy of T.N. Granovsky.

Basing on the complex consideration of historic-pedagogical legacy of T.N. Granovsky, it is concluded that the scientist in fact worked out a system of views on the problem of creating a general history textbook. The important qualities of “fine teaching guidance on history”, in T.N. Granovsky’s opinion, are ideal direction and conception exposition, conformity of contents to modern achievements in historical science, strict verification of the information, i.e. precision and authenticity of historical facts, informational satiety, and completeness of accounting events.

Поступила в редакцию
20.09.07

Мягков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.

Федорова Надежда Георгиевна – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета.